

Экономика: реалии и иллюзии

Осипов Юрий Михайлович — президент Академии философии хозяйства, директор Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, академик РАН.

УДК

Экономическая наука, несущая в себе когнитивные иллюзии XIX–XX вв., не может дать адекватного представления о современной экономической реальности и требует решительного пересмотра.

Экономика в реальности — другая, воспринимаемая и описываемая не так уже научно, модельно-математически, то есть физически, как постнаучно, запредельно, что то же самое — метафизически.

Ключевые слова

Экономика, экономическая наука, кризисная экономика, кризис экономической науки, социальная физика, математика, постнаука, метафизика, метаматематика, постэкономика, техномика.

Одной из привлекательных забав «ученой общест­венности» является «игра в экономику» — что теоретическая, что экспертная.

Теоретическая игра занимается построением некоей умозрительной модели экономики, мало того что системной, но еще и математически выверенной, как и «законодательно» оформленной (через «систему законов»). Игра эта восходит к веку Просвещения — веку победы научного (естествознавческого) подхода к не очень-то научным (антропосоциальным, гуманитарным) реалиям. Вследствие бескомпромиссного столкновения навязанного гносеологи-

ческого подхода с противоположной ему онтологической реальностью ничего, кроме «игры в науку», получить у «просветителей» не могло.

Экспертная игра сводится к фактологическому рассмотрению текущей экономической реальности, попыткам ее «объективного объяснения» с выявлением причин возникновения того или иного конкретного состояния (картины), а также к попыткам фактологически, модельно и расчетно обоснованного прогнозирования будущих экономических ситуаций.

При этом экспертная работа ведется обычно не только вне еди-

ного теоретического представления об экономике, но и за рамками сколько-нибудь целостного ее видения. Если теоретики могут себе позволить не замечать того же реального экономического хаоса, органично присущего экономике, но не укладывающегося в теоретические о ней представления, то эксперты все-таки вынуждены следовать, пусть и не слишком осознанно, реальному хаосу, не выходя при этом за пределы и собственного идеального (когнитивного) хаоса, проясняющегося прежде всего и как минимум в «экспертном калейдоскопизме» (сколько экспертов, столько и мнений, причем вовсе не целостных, а реально и идейно вполне фрагментарных).

Положение усугубляется тем, что никто из ученых игроков «в экономику» понятия не имеет, что же есть на самом деле экономика, а если и имеет какое-то понятие, то либо более всего иллюзорное, либо как-то приближенное к реальности, но не более чем опять же фрагментарное — что по конкретно-познавательной горизонтали, что по абстрактно-теоретической вертикали.

Экономическая наука, как и экономическая экспертиза, до сих пор так и не ведает, чем они занимается. И это вовсе не частное критическое мнение мучающегося хроническим недоверием ко всему на свете неудачливого зоила — это как раз сама испытанная и отточенная в неустанной гносеологической борьбе когнитивная реальность в своей собственной игровой заданности и полноте.

Экономика давно уже не «домоводство» — это развернутая во вневомовом пространстве крайне замысловатая и очень завлекательная «игротека», осуществляемая посредством товарообмена, денег, капитала, финансов, то бишь *стоимости*, этой невидимой, эфирной, идеальной субстанции, воплощенной в договорных цифрах и реализующейся в сознании людей через их вполне реальные, хотя и стабильно встревоженные непрерывной игрой, голы. Иного места для стоимости и экономики, кроме сознания и людских голов, просто нет; блага, орудия, здания, сооружения, ресурсы, знания, технологии, как и тот же труд, — никакая не экономика, а всего лишь... реальное производство с реальным же потреблением!

Именно эта стоимостная по сути и способу своей реализации экономика и породила феномен, называемый *экономизмом*, отражающий не одно только господство стоимости в экономике, но и господство уже самой эконо-

мики надо всем жизнеотправлением человека (человечества), ну а потом и господство экономики с ее стоимостью в самом сознании людей, как раз становящихся из-за этого вполне *экономическими*.

Победа экономизма состоялась посредством и в итоге *экономической революции* (Западная Европа, середина I тыс. от Р. Х.) и нашла воплощение в *экономической цивилизации* (сначала в Западной Европе, а потом и по всему миру).

Крах золотого денежного стандарта в середине XX в. означил полную победу стоимости как стоимости, а соответственно и чистого экономизма, что ознаменовалось переходом к вольной (произвольной, *самодовлеющей*) стоимостной цифре и вольному (произвольному, *самодовлеющему*) экономизму, а практически — к вольному (произвольному, *самодовлеющему*) *финансизму*.

Экономика дополнилась *финансовикой*, овладевшей экономикой и вставшей самоуверенно, беспардонно и величаво надо всем жизнеотправлением человека (человечества).

Я сознательно не ввожу здесь термин «хозяйство», чтобы побыть некоторое время наедине с «экономикой», тем более что есть счастливые народы, как раз самые что ни на есть *экономические*, не имеющие в своем языке слова «хозяйство», как есть и счастливые ученые элиты, не придающие понятию «хозяйство» никакого особого (кроме синонимического относительно «экономики») значения.

Что поделатъ: трясина греческой «экономики» вкупе с европейской экономической наукой засосала весь мыслящий по-экономически мир и никак не хочет его от себя отпускать, да и сам этот мир не очень-то стре-

Самое экономическое в экономике, оно же и сама суть экономики — *стоимость!*

Если мы говорим «экономика», надо прежде всего иметь в виду не что иное, как стоимость; если мы называем экономику финансовикой, то это означает, что стоимость уже не внизу, не снизу, соци-

ально, в самом обществе, из людских экономических голов, чуть ли не объективно, а сверху и сверху, на социум, в общество, прямо и априорно в экономические головы, субъектно и субъективно.

Если когда-то все экономическое шло вроде бы от взаимодействий людей: не было товарообмена — не было и стоимости, то теперь все наоборот: нет стоимости — нет и товарообмена! А уж о капитале с инвестициями и говорить не приходится!

Отношения, взаимодействия, рынок — все в прошлом; ныне подотчетное правящим экономическим центрам пространство — сети, ячейки, связи и иерархическое из центров управление — сверху вниз.

Экономика снизу замещена *экономическим реалом!*

Однако не все тут так уж просто.

В экономике нет ничего не только механического, но и организменного тоже, даже и попросту системного. Тут уже одни лишь метафоры, вполне приближительные: мифотворческие, иллюзорные, миражные! Экономи-

ка — не механизм, не организм, даже не система. *Вообще это никакая в полном смысле слова не порядок!* Строго говоря, экономика уже и не реальность — не реальная реальность, а самая настоящая ирреальность — ирреальная реальность. Все теперь в экономике в отрыве, в полете, во мгновении: *стоимостный виртуал полностью завладел экономикой!*

Экономика вовсе не космос, а всего лишь *хаосмос*: постоянно вырастающий из хаоса и в него же непрерывно уходящий *обеспорядоченный порядок*, или же *опорядоченный беспорядок*. Тут в приоритете не что иное, как *творящий хаос*, но творящий не порядок как таковой — *космос*, а некую реальную иллюзию порядка, или же реально иллюзорный порядок, способный не просто к большой изменчивости, а сам онтологически являющийся... *изменной*: сегодня он один, завтра — другой, послезавтра — третий, причем 2×2 в нем вовсе не 4, а любое, хотя и не какое угодно, число («два» и «два» как бы не успевают или же просто не имеют достаточной возможности сложиться именно в «четыре»).

Экономика ныне слишком велика, безгранична, сложна, подвижна, быстра, переменчива, внепространственна и вневременна, моментна, полифонична, оцифренна, информативна, виртуальна, она уже слишком *сама по себе, для себя и от себя*, слишком ирреальна и как бы параллельна реальной реальности, от нее свободна и от нее оторвана, чтобы быть упорядоченной, системной, космической.

В основе экономики хаос, а не космос, а сама экономика в реальности не более чем *хаосмос!*

Если экономика, ведомая финансовикой, и подчиняется чему-либо, то она подчиняется более всего себе самой.

мится на вольную волю — чем же тогда ему «эффективно» заниматься и как же тогда ему «счастливым» бытовать?

Экономика — экономическое жизнеотправление: как всего лишь и просто опосредуемое движением стоимости (экономизм), так и подчиненное движению обособившейся самоопределяющейся стоимости (финансизм).

Все здесь от стоимости, через стоимость, ради стоимости!

Не от потребностей, благ, вещей, а именно от стоимости, ее потребностей — как основного блага и как главной вещи (от вести).

Стоимостная власть, стоимостное владение, стоимостный фефешизм.

Мир стоимости и стоимостный мир!

Однако и власть над стоимостью, владение самой стоимостью, стоимостный диктат.

Экономика — causa sui, сама себе причина!

Экономике нельзя предложить строгую функциональную модель, которой она должна непременно соответствовать, нельзя вывести и утвердить законы, которым она должна непременно следовать, нельзя навязать порядок, которого ей иметь вовсе не хочется, да и не может.

Пора бы это понять!

Экономика — игра без правил, а ежели правила какие-то и есть, то либо есть «бесправиловые» ниши (зоны, каналы, щели), либо есть немалая возможность эти правила не соблюдать, либо же есть правила по несоблюдению правил — во всяком случае экономика течет более не по правилам, а как бы между правил, мимо правил, а то и вообще без правил — иначе ведь никакой экономики нет и быть не может!

Теперь уже не так случающиеся время от времени *экономические кризисы*, как *сплошной и непрерывный глобальный кризис экономики*; теперь повсюду не что иное, как *перманентно кризисная экономика*, для которой кризис не исключительное событие, а постоянное нормоаномальное состояние.

Экономика теперь — кризис, а кризис — сама экономика!

Экономическая наука все еще считает, и вроде бы небезосновательно, что экономика (в нашем сугубо стоимостном понимании) — это не более чем совокупность самостоятельных стоимостных субъектов, масса блуждающих по миру денег и самовоспроизводящихся капиталов, самовозбуждающихся инвестиционных потоков, мир взаимобусловленных цен, в общем — совокупность объективно упорядоченных стоимостных агентов, параметров и процессов,

Экономика ныне слишком велика, безгранична, сложна, подвижна, быстра, переменчива, внепространственна и вневременна, моментна, полифонична, оцифренна, информативна, виртуальна, она уже слишком сама по себе, для себя и от себя, слишком ирреальна и как бы параллельна реальной реальности, от нее свободна и от нее оторвана, чтобы быть упорядоченной, системной, космической

целостно взаимоувязанных и эффективно взаимодействующих друг с другом.

На самом же деле экономика только на поверхности выглядит совокупностью взаимоувязанных агентов и ловко взаимодействующих параметров и процессов — видимых, счетных, оцифренных, а внутри-то она совсем другая — спиритуальная, эфирная, энергетическая.

Наверху лишь *физис* экономики, а внутри-то... *метафизис*, как раз тот самый, что аналогичен, к примеру, сознанию с его мыслями и смыслами, как и той же ноосфере с ее смысловыми «частицами» и мыслительными «завихрениями». Там-то, в метафизическом «нутре», вполне конспиративном, все основное в экономике и решается, хотя решается через взаимодействия всех упомянутых выше и иных внешних параметров и процессов, их субъектно-субъективных движителей.

Правоверный ученый-экономист-эксперт ничего из метафизического никогда не признает и такой картинке любезной ему экономики — самой по себе сплошь метафизической — никогда не примет!

А ведь наряду с поверхностной *явью* экономики есть и глубин-

ная навь — и между явью и навью незаметное для глаза и ума непрерывное взаимодействие, вполне уже *трансцендентное*.

Любой экономический параметр может быть любым, хотя и не каким угодно! А кто или что здесь решает: субъект вроде бы, та или иная объективная-де ситуация, но... и не субъект, и не ситуация, а... эх... сказать бы, да ведь разве поверят, ибо решает тут... *экономическое ничто!*

И ничто это как раз к хаосу и восходит, воплощаясь в действенной реальности не в упругом космосе, а в пластичном *хаосмосе*.

Космос держится на пределах, стабильных соотношениях и постоянных величинах, на законах в конце концов. Хаосмос же живет беспредельными пределами, своевольными соотношениями, относительными величинами, полноправным беззаконием. И не надо хаосмос пытаться представлять космосом, как и не надо мёртвить хаосмосную жизнь, обращая воображаемую «текущую» плазму в «твердый» кристалл!

Хаос творит — и в случае с экономикой он творит не космос, хотя и в направлении космоса, а именно *хаосмос*. Синергетика! Но такая, которая не вершится никогда не то что законченным, но даже и сколько-ни-

будь устойчивым в обозримом времени порядком.

Нет и не может быть длительно, не говоря уже навсегда, стабильных цен, денег, валютных курсов, банковских процентов, инвестиций и вообще всего, что есть в экономике: *общая нестабильность* — залог бытия экономики, ее выживания, самоорганизации, развития!

Нет и не может быть никаких априорных законов, которые должна непременно исполнять экономика. Да, цена, к примеру, формируется в соответствии с некоторыми требованиями вроде покрытия издержек и получения прибыли, но... где они, эти пределы издержек и безграничье прибытков, если не... в текущем экономическом произволе, что означает, что нет ни априорных пределов, ни априорного безграничья? Все в экономике решается на ходу, по ходу, в ходе, но никак не в соответствии с системно-космическим порядком с его беспорядками и неувязимыми законами.

В ученых кругах любят толковать о том же *законе спроса и предложения*, не задумываясь, что надо хотя бы говорить о *законе предложения, цены и спроса*, хотя и это тоже весьма проблематично, ибо где оно — предложение, каково оно, причем во времени, где он — спрос, каков он, тоже во времени, и что есть цена (хоть цена предложения, хоть цена спроса), ежели цена, хоть и действительно зависит от динамики и соотношения предложения и спроса, способна ведь быть *само-ценой* и ни от чего кроме ее вдохновителя и держателя не зависеть, даже и от других цен? Тогда что значат все эти глубокомысленные разговоры о *законе* спроса и предложения? Что это, если не ставшее уже привычным ученое балаболство? Влияние спроса на цену — обыкновенное воздействие спроса на цену; влияние излишнего или недостаточного предложения на цену — не более чем обыч-

Все в экономике решается на ходу, по ходу, в ходе, но никак не в соответствии с системно-космическим порядком с его бесспорными и неувязимыми законами

ное воздействие предложения на цену; но вот как тогда понимать влияние произвольной цены на те же предложение и спрос — по какому-то закону?

Итак, в основе экономики — творящий хаос, онтологический хаосмос, субъективный произвол, объективная неопределенность, функциональная беспредельность, алогическое беззаконие, ну и, разумеется, непрерывная, всеобщая, вовсю идущая скрытая *самоорганизация*.

А где тут тогда *управление*?

Оно прямо там — в экономике, но и вне этой последней, ибо помимо управления в экономике есть еще и управление *самой* уже экономикой — *извне*.

Кто или что только не является в экономике и в связи с экономикой управителем: субъекты, объекты, факторы, товары, технологии, кризисы, среды, сети, коррупция, мафии, слухи, призраки, а главное — деньги, цены, инвестиции, издержки, доходы. Да мало ли что еще влияет на управленческие решения экономических агентов и экономическую криптосамоорганизацию.

Кто или что только не оказывает управленческого влияния на поведение экономики в целом: государство с правительством во главе, большая политика, лукавая юриспруденция, войны и колониальные захваты, международные соглашения и союзы, региональные интеграции, научно-технический прогресс, глобальные процессы, въедливые идеологии, стойкие мировые религии, неувядающие цивилизации и т. д., и т. п.

Мир вообще — на мир экономики и в мире экономики!

Однако ученых-аналитиков интересует прежде всего *целеположенное управление* в экономике и экономикой в целом, когда есть управляющий субъект, управленческие действия и адекватный им результат.

Ответ: такое управление не только есть, но и имеет необходимые, хотя, как правило, и не вполне предусмотренные, а зачастую и вполне непредвиденные результаты. Это не управление хаосом, хотя и такое есть, а, скажем так, *хаотическое управление*, местами и временами даже и *антихаотическое*, которого ведь тоже не избежать.

Экономика бытует в сфере сознания — частных сознаний и общественного (ноосферного) сознания, включая и глобализированное сознание. Какой бы бессознательной ни казалась экономика, она все равно *в сознании, с сознанием и через сознание*, которое, заметим, тоже ведь в немалой степени хаотическое (сознание и экономика — онтологические адекваты!). Находясь в сфере сознания, проходя через сознание, опираясь на него, экономика не может не быть осознанной, как не может и не управляться сознанием — вполне и осознанно!

Любой экономический параметр — продукт сознания, как продукт частных сознаний, их взаимодействий, так и продукт воздействия на параметр, его динамику всего общественного сознания. Здесь имеет место целый сонм управленческих влияний,

среди которых и прямые управленческие воздействия на экономическую реальность, включая экономическую ирреальность, отдельных экономических субъектов. Можно даже говорить о наличии реально действенных и весьма для себя эффективных процессах управления со стороны наиболее удачливых в своих интенциях субъектов экономического управления.

И тут встает вопрос о наличии в реальной экономике таких вот удачливых субъектов управления: есть ли они? Есть, конечно, и они вовсе не редкость — в той или иной степени практически все или почти все — все действующие субъекты в той или иной мере удачливы по части хотя бы самоуправления, но, разумеется... удачливы в разной степени и в разной мере обладают управленческими возможностями и достижениями.

Есть малые агенты экономического управления — малыми параметрами и процессами; есть, скажем так, средние со своими средними управленческими возможностями; есть большие — уже с большими возможностями; а есть и сверхбольшие — с гигантскими по масштабу и силе действия управленческими прерогативами. От отдельных агентов — ныне по преимуществу се-

тевых «мушек» — до мегацентров — ныне тоже уже сетевых управителей — «пауков-монстров», обладателей огромных экономических пространств, вершителей глобальных экономических процессов, распоряжающихся мириадами экономических судеб.

Среди мегацентров выделяются, бесспорно, *имперIALные топ-центры*, а всего могущественнее, конечно же, *глобальный супер-центр* («центр центров»), восходящий непосредственно к США.

Влияние на мировую экономику всех этих центров велико, его нельзя ни в коем случае недооценивать, хотя вряд ли стоит и переоценивать, испытывая восхищение и ужас. Центры могут многое, располагая не чем-нибудь, а возможностью исходного и текущего *контроля* над мировой экономикой, ее состоянием, поведением и общим движением, тенденциями развития и структурной динамикой. Однако говорить о каком-то в полном смысле слова управленческом управлении (диспетчерском) мировой экономикой никак не приходится — в таком управлении и нет никакого смысла!

Мегацентры, несмотря на наличие общих для них интересов, не составляют цельной управлен-

ческой структуры, между ними хватает противоречий и взаимной борьбы, хотя нельзя отрицать и возможностей достижения между центрами согласия, компромиссов, сговоров, в особенности если учесть нынешнее противостояние традиционного экономического Запада остальному — во многом еще неэкономическому — миру.

Есть, безусловно, центровая, или центрообусловленная, экономика, подверженная управленческому влиянию мегацентров, в особенности глобального, но наряду с ней бытует и внецентровая экономика, реализующаяся хоть и под влиянием центров, но уже и по собственным хаосно-синергийным сценариям.

Центровский контроль над мировой экономикой не то что операционально не абсолютен, он не абсолютен по самой своей природе, ибо никакая экономика, пока она есть, не потерпит над собой никакого управленческого абсолюта: невыгодно, ту-пиково, зряшно, глупо!

Все агенты так или иначе управляют, и все при этом так или иначе управляются, но — и это самое важное — *в самоуправляющейся экономической среде!*

Управление в экономике и экономикой есть, оно все время осуществляется, но... на основе, в рамках и на условиях *общего экономического самоуправления.*

Управляй себе на здоровье, но... в среде и даже на основе общего экономического самоуправления, причем, повторяем, немало и конспиративного, а потому и не очень-то заметно доминирующего в экономике!

Экономика полна разнообразного *дирижизма*, без которого ей попросту не выжить и не быть: *сколь экономика самоуправляема, столь же она и управляема!*

Однако заменить общее экономическое самоуправление, или общий самоорганизационный процесс, никаким иным управлением, или организационным процессом, невозможно, пока есть и действует экономика!

Автор этих строк давно это понял: осмысление строения и действия хозяйственных механизмов привело к заключению, что экономике свойственна *самоорганизующаяся организация самоорганизации* — многоуровневая, разнонаправленная, многоцентровая, иерархическая, сетевая, как и стихийная, вольная, турбулентная, «бешеная» (раз уж есть производ, кризисы, банкротства, как и обман, лукавство, мошенничество, то почему же и в самом деле не бешеная?).

О тех же *планах* и *рынках* можно, разумеется, много говорить, демонстрируя свой мудреный профессионализм, но лишь как о частных моментах-событиях, имеющих место в среде экономической организации, ей свойственных, но ее никак не покрывающих и собою не замещающих. И планы есть, и рынки есть, но лишь как второстепенные пособители управленческого и самоуправленческого процессов, но вовсе не как их основания и уж тем более не как эффективные в глобальных масштабах заменители.

Всеобщий «экономический план» типа советского — большая культовая иллюзия, приведшая СССР в 1970–1980 гг. к падению производительности и эффективности с непростибельным «зевком» относительно новой волны научно-технического прогресса (о хронических дефицитах и профицитах мы уж помолчим), а затем, на рубеже 1980–1990 гг., и к развалу.

Такой же культовой иллюзией является практический межотраслевой баланс, которому-де обязана следовать экономика (то бишь

реальная динамика обязана подчиниться надуманной статике!).

Не менее культовой оказывается и многовековая иллюзия по поводу так называемого рынка. Что такое на самом деле рынок, кроме, разумеется, средневекового базара, никто толком не знает, как никто при этом не может доказать, что экономикой и в самом деле управляет рынок. Рынок, если признать его за некий действующий в экономике стихийный регулятор, не более чем подмеханизм экономики, способной как большое живое целое учиться в своем движении все сразу и со всего света и оставляющей тому, что называется рынком, не более чем вспомогательную корректирующую роль.

«Рынок» — удобное для пустопорожних разговоров понятие, пристойно висящее в интеллект-атмосфере и никому не мешающее. Но зато на него можно списать многое из непонятного и нерасшифрованного.

«Рынок нефти», к примеру, вовсе не означает, что производством и реализацией нефти, ее ценой «руководит» именно рынок: рынок нефти — всего лишь нерыночный по происхождению факт конкретного рыночного бытия нефти, и ничего более!

И все же: как же управляется сама с собой экономика? Так вот и управляется — как *необъятное счетно-решающее устройство*, в управленческой сердцевине которого не что иное, как... *трансценденция* («черный ящик»), с чем можно иметь дело, но что нельзя ничем имманентным заместить, о чем можно «модельно» рассуждать, но что никак реально не смоделировать.

Как раз та самая трансценденция, которая присуща бытию вообще, жизни вообще, сознанию вообще, человеку вообще. Та самая трансценденция, которая, будучи вроде бы исходно и функцио-

нально «математической», не допускает никакого целостного, реального и эффективного математического моделирования себя, сводя практически на нет эконометрику в целом — как попытку заместить трансцендентальную метаматематику всего лишь человеческой математикой, которая, увы, только частично может соответствовать экономической метареальности.

Логика, конечно, присутствует в экономической среде, но... до края, причем весьма ближайшего, как и до поры, тоже не очень-то отдаленной. Тут все-таки царство *металогик*, как бы логики без логики — *трансцендентной логики!*

Как же работает и решает онтологическое экономическое счетно-решающее устройство? Трансцендентно, конечно, или иначе — *непостижимо!* Решает — и все! Перерабатывая каким-то потаенным образом всю мыслимую и немислимую информацию и выдавая на гора... решения, однако не в виде прямых команд, а в виде обстоятельного побуждения к действию, с чем экономические субъекты считаются и чем охотно или вынужденно пользуются. Им только кажется, что они сами по своему хотению что-то важное совершают, а на самом-то деле они по большей части лишь реагируют на осознанные и не очень побуждения экономической и неэкономической среды, исключая, конечно, случаи действительно творческого, нередкого и рискованного, управленческого новаторства в экономике.

А уж если принять во внимание, что сами по себе решения субъектов в значительной мере труднообъяснимы, то есть трансцендентны, то что тогда вообще говорить о царстве разума, расчета и порядка в экономике?

XIX в. — век торжества Разума, Просвещения и Науки — создал

великую иллюзию в виде отвле-
ченной (теоретической) онто-
логической и гносеологической
экономической науки (техноло-
гическая часть экономической
науки здесь не в счет). И вот
этой-то иллюзией — сначала
более словесно-речевой, затем
уже более счетно-модельной —
теоретическая экономика до сих
пор и живет. Отсюда бесконеч-
ные мифы, сказки, рассказы, ну
и бесполезные по преимуществу
диссертации тоже!

Самое большее, что может сде-
лать сегодня теоретическая эко-
номия — снабдить учащегося
человека разнообразным слова-
рем, что совсем и неплохо. Это
как раз тот самый словарь, с по-
мощью которого образованный
человек пытается рациональ-
но мыслить об экономике, во-
круг него нерационально быту-
ющей. И уже от самого этого че-
ловека зависит, окажется ли он
способным уйти от иллюзии об
экономике и приблизиться к ее
действительно реалистическо-
му восприятию. И как же непро-
сто это бывает сделать в услови-
ях господствующей в современ-
ном мире сугубо научной (сци-
ентической) цивилизации!

* * *

Экономику XXI в. совсем уж
нельзя трактовать в механико-
органно-системном ключе: это
никак уже не механизм, не орга-
низм, даже и не система. Это мир,
среда, поле, размещающиеся не-
посредственно в сфере созна-
ния, оцифренные (мир цифр),
сугубо информационные. Самое
экономическое в экономике —
стоимость, эта информационно-
оцифренная «сама себе субстан-
ция», не выходящая за пределы
сознания, ноосферы, людских
голов, ими вдосталь производ-
имая, однако обретающая при
этом и трансцендентную от этих
голов самостоятельность. Эко-
номика — бескрайнее счетно-
решающее устройство, в кото-
ром элементы — люди, их созна-
ние и ум, как и их эмоции и под-

сознание, а части — коллективы,
фирмы, корпорации, государ-
ства, институты, структуры. И все
эти элементы и части — в про-
извольной, хотя вовсе и не сво-
бодной, игре; во всеобщем про-
изволе, ограничиваемом лишь...
своим же собственным произво-
лом; в хаосе и среди хаоса, про-
изводящего из себя не более чем
хаосмос, но никак не системный
порядок. Непрерывная тут си-
нергетика — без начала и конца,
все время с незаконченным, про-
межуточным, перевалочным ре-
зультатом. Кризис — уже и не
кризис, а перманентное состо-
яние всей экономики, потеряв-
шей какую бы то ни было фун-
даментальность («опорность») и
ставшей мобильно-моментной
 («влет»-экономикой). Все теперь
слишком хаосно, относительно,
неопределенно. Бушующий
«море-океан»! Впереди, видно,
пост-экономика, в основе кото-
рой окажется самая настоящая
техномика, оснащенная сверх-
мощными и сверхбыстрыми
компьютерами, а главное — на-
вязанной социуму вита-потре-
бительной *мерой*. Но тогда уже
случится и *постсоциум* с *пост*-
человеком. Разве не так? ■

пэс

Economy: realities and illusions

Osipov Yuriy Mikhaylovich

Lomonosov Moscow State University

The economic science bearing in itself
cognitive illusions of the 19-20th centuries
can't give an adequate idea of modern
economic reality and requires resolute
review. Economy in reality — another,
perceived and described not so already
scientifically, model mathematically, that
is physically as postnauchno, incredibly,
something — metaphysically.

Keywords

Economy, economic science, crisis economy,
crisis of economic science, social physics,
mathematics, post-science, metaphysics,
metamathematics, post-economy,
tekhnomika.

